

УДК 2(075)

ГДЕ ГРАНИЦЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ШКОЛЫ И ЦЕРКВИ?

Шрейбер Виктор Константинович,

Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

На основе выделения трех аспектов рациональности рассматриваются перспективы взаимодействия религиозного и светского образования, а также мировоззренческие возможности деизма и протестантской этики.

Когда речь заходит об отношениях между светским и религиозным образованием, быстро обнаруживается, что практические работники образовательной сферы вынуждены действовать в весьма противоречивых (или, по крайней мере, неопределенных) условиях. Не требуется особых усилий, чтобы увидеть рост влияния церковных структур на политические и социально-экономические процессы современного общества. Вместе с тем не может не пугать то обстоятельство, что воспитательные технологии церкви традиционно были заточены на формирование фанатической преданности прокламируемым догматам. Тем не менее, как полагает одна из участниц прошлогодней конференции, взаимодействие школы и церкви все-таки «возможно, но в разумных пределах» [1, с. 344]. Это заключение учительницы из Могилева определило направление дальнейших размышлений. Что же представляют собой эти самые «разумные пределы»? Как их определить? Где место объединения усилий религиозных и светских образовательных институтов?

В категориальном плане понятие разумного (разумности) коррелятивно «рациональному» и «рациональности». Рациональность как понятие охватывает три взаимно связанных аспекта человеческого действия. Во-первых, рациональное характеризует действие с точки зрения соответствия используемых средств поставленной цели. В этом смысле рациональное близко эффективному. Средства могут быть правильными, и цель будет достигнута, но она может оказаться ложной или чуждой субъекту; она может не соответствовать его потребностям. Отсюда второй аспект связан с оценкой отношения между целью и потребностью. Рациональное отвечает действительным потребностям субъекта. Третий аспект возникает, когда мы обращаемся к отношению цели с общими условиями человеческого существования и её осуществимости. В этом смысле «рациональное» противостоит «утопическому» и близко идее того, что отвечает объективным повторяющимся зависимостям. Построение коммунизма – красивая и бесспорно благородная цель, но пока в материальном строе общества нет условий для развития способностей каждого индивида безотносительно к заранее заданному масштабу, попытки реализации этой цели оборачивались ростом скептицизма и коррупцией человеческих связей. Так возникает три (хотя третий план можно дифференцировать) аспекта истолкования разумности: оптимальность средств, субъективная оправданность целей и соответствие действия общему порядку бытия / человеческого существования. Первый и третий аспекты толкования разумности могут пересекаться и в своем общем содержании охватываются спорами о научной рациональности.

Более близкое знакомство с литературой, возможно, позволит увидеть новые детали и даже аспекты рациональности, но указанного достаточно, чтобы двинуться дальше.

Человеческие действия в норме не только целесообразны (что характерно для всех существ, обладающих психикой), но целеполагательны. И в этом плане цель можно определить как модель потребного будущего. Она идеальна, фиксирует те или иные особенности внешней реальности и в своей реализации предстает как нечто овеществленное. Определенные действия обеспечиваются средствами и, если они выбраны и применяются правильно, результат усилий, действительно, будет совпадать с поставленной целью. Средства принадлежат внешнему

миру, и отсюда отношение средства и продукта оказывается внешним для субъекта. Это отношение можно интерпретировать в антропоморфных терминах, как это наблюдается в мифологизированных контекстах, или натуралистически (к чему склонны здравый смысл и наука). Религиозное сознание разводит сотворенный и трансцендентный миры и тем самым создает предпосылку для сближения своего понимания эффективности с научной рациональностью. Самыми оптимальными вариантами религиозного сознания в этом плане оказываются деизм и протестантская этика.

Бог эпохи Просвещения похож на часовых дел мастера; мастер создает механизм и после отладки запускает его в действие. Пользователю остается только время от времени заводить пружину. Эту же стратегию избирает Бог. Конечно, мир по устройству своему сложнее часов; однако и Бог превосходит человека своим могуществом и познаниями. Поэтому современные деисты в принципе могут признавать «тонкую» материю, естественное возникновение жизни на Земле, «интернет вещей» и прочие новации и тонкости современной науки и техники. К слову, на встрече с педагогами Тамбова (2014) нынешний патриарх высказался в духе недопустимости искажения научной картины мира в средней школе.

Дополнительные нюансы в понимании религиозной рационализации внесла протестантская этика. Суть церковной реформы XVI века заключалась в том, что во главу религиозного отношения к миру было поставлено понятие «призвания». Многие скептически настроенные современники Лютера предпочитали не ссориться с церковью и жертвовали ей деньги ввиду полной неизвестности того, что ждет человека после смерти [2, с. 93]. И в христианской традиции на протяжении веков самой правильной жизнью считались пост и молитва. Лютер стал учить, что для Бога все сословия и занятия равноценны, и, кроме того, указал новый индикатор богоизбранности, а именно – профессиональный успех. Установка на успех стимулировала поиск самых эффективных средств осуществления жизненных целей. Она предопределила ориентацию выходцев из протестантских семей на техническую и торгово-промышленную подготовку, тогда как католики предпочитали гуманитарное образование [2, с. 63]. Таким образом, отношение рационализации растянулось, узаконив как богоугодное любое знание о мире.

Протестантизм дополнил идею рациональности новым аспектом, а именно отношением между целями и способностями/потребностями. Ведь для успеха того или иного предприятия мало подобрать правильные средства. Важно, чтобы избранное дело соответствовало способностям деятеля и отвечало потребностям людей. Но как это определить? Английские последователи Кальвина, пуритане, предлагают здесь руководствоваться, во-первых, моральными соображениями, затем значимостью производимых благ для общества и, наконец, «доходностью» [2, с. 191].

Приоритет моральных соображений не случаен. Человек – не только деятельное, но и социальное существо; он живет с другими людьми. Это обстоятельство ставит проблему отношения его действий с общим порядком не только бытия, но и человеческого общежития. Так возникает третий план рациональности; он связан с основаниями моральных обязательств. Хотя представления о правильном и неправильном исторически менялись – и в очень широких рам-

ках, – осознание того, что такое различие *существует*, оставалось постоянным и всеобщим. Тем не менее, здесь поиск общих моментов между светским и религиозным образованием является самым дискуссионным. Во-первых, несмотря на все достижения когнитивных и биологических наук, проблематичность натуралистического обоснования социальных нормативов сохраняется. Апелляция к генам, «языку мысли» и т.п. не объясняет именно различий, – исторических и социальных – в понимании того, «что такое хорошо и что такое плохо». Тут придётся согласиться ещё с одним замечанием предстоятеля. На круглом столе в Саровской пустыни, посвященном взаимоотношениям веры и науки, Кирилл подчеркнул, что многие прошлые и нынешние ошибки в интерпретации этого вопроса «имеют своим истоком именно стремление обобщить... без специального исследования всего наличного материала, без попытки сделать вдумчивые критические выводы» [3].

Но и вера проблематична. Ведь религии как таковой не существует. Есть конкретные конфессии. Каждая конфессия говорит со своими приверженцами на своём языке и претендует на адекватное изложение *откровения*. Конфессии оказываются в языковой ловушке, ибо допущение своей исключительности в плане толкования *Слова* дает санкцию на борьбу с иноверцами, еретиками и вообще инакомыслящими. А поскольку переход к монотеизму коррелировал с формированием устойчивых этнических общностей (как минимум, народностей), одной из тенденций исторического развития явилось сближение религиозной принадлежности с национальной. Европа переболела этим вирусом на заре Нового времени. Сегодня эта инфекция распространилась на Ближнем Востоке. В условиях усиления межнационального, межконфессионального и прочих форм общения самым рациональным становится государственный (светский) контроль за деятельностью религиозных образовательных структур.

Литература

1. Макарова, А.Н. Школа и церковь: возможность сотрудничества? / А.Н. Макарова // Религия и общество – 11: сборник научных статей. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 342–344.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
3. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учеными в Сарове // Московский Патриархат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [hatriarchia.ru, db/text/4579909.html](http://hatriarchia.ru/db/text/4579909.html). – Дата доступа: 29.01.2019.